

Глава 3

Заметив, что господин Лу усадил юношу к себе на колени, остальные гости поспешили отбросить напускную благопристойность. Поднявшись с мест, они разобрали оставшихся малых, выбирая тех, кто больше пришёлся по нраву, в предвкушении бурной ночи после окончания пира.

Словно птицы, выпущенные из клетки, юноши один за другим покидали зал под руку с новыми покровителями. Лишь тот, кого звали Яньчи, остался стоять посреди комнаты, упрямый как осёл, и всё так же оцепенело пялился на господина Лу.

Самый низкий чин среди присутствующих занимал местный староста, и ему, по правилам приличия, полагалось выбирать последним. Видя, что иного выбора нет, он нехотя направился к Яньчи.

Тот встретил его ледяным, пронизывающим взглядом.

Староста, почуяв недоброе — почти физическую жажду крови, — не осмелился по-хозяйски приобнять юношу. Вместо этого он, грубо выругавшись, попытался ухватить Яньчи за рукав и силой потащить к себе. Однако тот резким движением отбросил его руку и толкнул так, что бедолага, едва удержавшись на ногах, попятился и был вынужден сесть в самом конце стола.

В отличие от других малых, что ластились к гостям, Яньчи, поправив полы одежд, чинно опустил на колени. Его движения — прямая спина, руки, спокойно лежащие на бёдрах, — дышали благородством и статью.

Староста, пристроившись рядом, поднял голову и наткнулся на взгляд господина Лу. Тот смотрел на него с едва уловимой, многозначительной усмешкой.

До чиновника внезапно дошло: этот нескладный верзила остался последним вовсе не случайно — он явно приглянулся высокому гостю. Все остальные это поняли сразу, и лишь господин Лу намеренно не выбрал его, решив поиздеваться над глупым парнем.

Проклиная собственную недогадливость, староста легонько подтолкнул Яньчи, стараясь исправить оплошность: — Что застыл? Быстро налеп господину Лу вина!

Яньчи тут же поднялся.

Однако рядом с Цзи Хуайчжэнем места уже не осталось: первый юноша крепко вцепился в его руку и бросал на подошедшего Яньчи предупреждающие, неприязненные взгляды.

Великий наставник сделал вид, будто ничего не замечает. Он намеренно игнорировал Яньчи — не приглашал присесть, но и не прогонял прочь. В конце концов, тот нашёл себе место: он

встал за спиной Цзи Хуайчжэня, выпрямившись во весь рост. В этой позе он ни капли не походил на продажного мальчишку из весёлого квартала, скорее — на верного телохранителя знатного господина.

Гости за столом, хоть и делали вид, что поглощены вином и ласками, на деле же внимательно следили за каждым движением в центре зала. Все знали: в Шанцзине наступили смутные времена. Две непримиримые силы в правительстве Великой Ци столкнулись, и расстановка сил изменилась за одну ночь. Семья Цзи потеряла былое величие, сам Цзи Хуайчжэнь оказался под стражей, а его давний враг, Лу Ши, напротив, был наделён огромной властью.

Даже глава семьи, Цзи Тинье, бывший некогда опорой двора, уже почти два года не появлялся на аудиенциях.

Отныне роду Цзи, похоже, пришёл конец, а перед этим господином Лу открывались безграничные перспективы.

Один из чиновников, поддразнивая старосту, громко произнёс: — Правильно сделал, что не полез на рожон. Не стоит уподобляться этому Цзи-псу, который посмел тронуть тех, кого не следовало. Пусть Третий принц и потерпел поражение в битве, он всё же императорская кровь. Тюрьма для него — лишь временное пристанище, рано или поздно его отпустят. А Цзи-псу ни в коем случае не следовало бить лежачего.

— Слышал я, что Хуайчжэнь раньше служил Третьему принцу, а потом предал старого хозяина, — подхватил другой. — Нельзя быть столь жестоким и вероломным. В конце концов, слуга всегда остаётся слугой, ему не прыгнуть выше головы господина.

— Пёс есть пёс, его не приручишь. Было бы странно, если бы он не кусался. На фронте идут тяжёлые бои, а у этого Хуайчжэня хватает наглости плести интриги внутри страны. Вместо того чтобы сражаться с врагом, он набивает карманы за счёт народа, плодит прихвостней и пытается людей. Господа, слышал ли кто-нибудь из вас о пытке «Ветер, взметающий снег»? Или о «Битье редьки»?

Цзи Хуайчжэнь, сохраняя невозмутимость, вполголоса спросил юношу у себя в объятиях: — И часто его так честят — «Цзи-псом»? Не боятся, что он прознает?

Стоило ему заговорить, как он почувствовал спиной чей-то жгучий, пристальный взгляд.

Юноша капризно надул губы и прильнул к нему: — Этот Цзи-пёс столько зла натворил, что его каждый второй клянёт. Ну и что, если узнает? На всех плах не хватит, не станет же он лично за каждым охотиться.

Мужчина лишь диву давался. Он знал, что в Шанцзине за глаза его зовут «Цзи-псом», но не предполагал, что это прозвище разлетелось по всей стране, и даже в таком захолустье, как Фэньчжоу, его имя вызывает лишь жажду расправы.

— Про «Битьё редьки» я кое-что слышал, — продолжал один из гостей. — Говорят, эту пытку Цзи-пёс выдумал сам. Человеку живём ломают лодыжки, потом вправляют их обратно, и так — раз за разом, пока несчастный не скончается от боли. А что такое «Ветер, взметающий снег»? Должно быть, тоже его рук дело.

— Именно так. Слышал я, будто Цзи-пёс любит в самый сильный зимний снегопад вытащить человека на улицу, сорвать с него одежды и бить бамбуковыми планками. Удары столь стремительны, что свист планок взметает снежную пыль — оттого и название такое изящное.

За столом раздался смех, но тут чьи-то слова заставили всех замолкнуть: — Совсем не так.

Все обернулись на голос. Говорил господин Лу, который до этого момента хранил молчание.

Раньше все думали, будто он просто утомился с дороги и пребывает в дурном расположении духа, но стоило зайти речи о его заклятом враге Цзи Хуайчжэне, как на лице Лу Ши промелькнул живой интерес. Чиновники облегчённо выдохнули, смекнув, что лесь попала в цель, и тут же заискивающе заголосили: — Просим господина Лу просветить нас!

— Бамбуковые планки действительно свистят на ветру, — произнёс Цзи Хуайчжэнь с толикой притворного смирения и скрытого торжества, — однако время года вовсе не обязательно должно быть зимним. Слово «снег» в этом названии означает не зимние осадки. Когда планка опускается на тело, кожа лопается, и во все стороны летят алые брызги плоти. Просто слово «снег» звучит изящнее, оттого и прозвали пытку — «Ветер, взметающий снег».

Он сделал глоток вина и продолжил под восторженно-ужаснувшимися взглядами гостей: — А если эта пытка не помогает, есть и другой способ, пострашнее — «Осёл валяется в пыли». С непокорного заживо сдирают кожу. Несчастный после этого ещё какое-то время дышит и остаётся в сознании. Если в этот миг развязать путы, можно увидеть, как он катается по земле в конвульсиях, словно осёл в пыли.

Гости оцепенело смотрели на господина Лу, который с таким знанием дела и почти неприкрытым восторгом рассуждал о столь чудовищных вещах. В комнате воцарилась гробовая тишина, атмосфера стала тягостной и зловещей.

— Говорят, этот Цзи — неуч, а поди ж ты, какие названия выдумывает.

— Полагаю, Его Величество давно затаил подозрение против него, иначе зачем бы он назначил Великого наставника прежде Наследного принца? Кто такой Тайфу? Это учитель императора! Тот, кто иероглифы-то едва различает, не достоин столь высокого поста, это же позор на всё государство. Должно быть, это лишь уловка Его Величества, чтобы усыпить бдительность этого волка с заячьей душой.

Кто-то подхватил: — Слышал я и другую историю. Как-то раз императору хотели поднести одного знатного юношу в мужа-наложники. Так Цзи-пёс, не дожидаясь, пока того доставят во

дворец, сам явился к нему, содрал кожу и вывесил сушиться у городских ворот. А самое ценное, мужское естество, велел отрезать, запечатать воском и отдать родителям, чтобы те хранили его в родовом храме. С тех пор не только юношей — даже дочерей знатные семьи опасаются во дворец предлагать.

Сначала раздалась робкие смешки, но вскоре веселье угасло. Людям стало по-настоящему жутко.

Цзи Хуайчжэнь лишь таинственно улыбался. Слухи почти не расходились с истиной.

Тот мягкий кусок плоти он отрезал собственноручно. Мягкое резать неудобно, пришлось велеть вставить юноше в задний проход кое-какой инструмент. Когда тот от удовольствия возбудился, а плоть его натянулась и затвердела, он одним взмахом ножа отсек её.

Правда, в первый раз ему не хватило опыта, и брызнувшая кровь залила всё его платье. На редкость скверно вышло.

Вскоре кто-то первым поднял чашу для гостя, провозгласив: — Теперь, когда Его Величество приструнил Цзи-пса, будущее Великой Ци — в руках господина Лу!

Цзи Хуайчжэнь с напускной скромностью принял похвалу, предназначенную Лу Ши и, повернув кубок, собственноручно напоил юношу в своих объятиях.

Убедившись, что с тем всё в порядке и яда в вине нет, он успокоился.

— Наливай.

Первый юноша сладко улыбнулся и уже потянулся к кувшину, но Цзи Хуайчжэнь перехватил его руку.

— Я не тебе.

Слова были обращены к стоящему за спиной Яньчи, но сам Цзи Хуайчжэнь смотрел прямо перед собой. На губах его играла усмешка, а взгляда он не удостоил даже краем глаза.

Юноша быстро смекнул, к чему клонит гость, и, не желая испытывать судьбу, встал, освобождая место.

Ресницы Яньчи мелко затрепетали. Поправив одежды, он опустился на колени рядом с Цзи Хуайчжэнем. Он явно хотел что-то сказать, но не решался встретиться с ним взглядом, поэтому уставился на серебряную вышивку с облаками и журавлями на груди гостя.

— Не пей больше, — внезапно прошептал он.

Цзи Хуайчжэнь решил повторить старый трюк: сделав вид, будто не расслышал, он склонил голову к самому лицу Яньчи, вынуждая того говорить громче.

— Я сказал — хватит пить.

— Это ещё почему? Приведи хоть один довод.

Лицо Яньчи мгновенно залила густая краска.

Всего минуту назад он был холоднее льда, готовый в любой миг отвесить пинка навязчивому старосте, но сейчас, перед «господином Лу», стал кротким и донельзя смущённым. Его лицо выдавало нелепую, робкую влюблённость, а нежность во взгляде он не умел — да и не пытался — скрыть.

Цзи Хуайчжэнь окончательно убедился: этот парень принял его за другого.

Едва войдя, он первым делом уставился на лицо, затем узнал нефрит, а услышав имя «господин Лу», и вовсе просиял. Наверняка это какая-то старая любовная интрижка, которую Лу Шии затеял в прошлом.

— Ты... я знаю, что ты скакал из самого Шанцзина без отдыха, — Яньчи говорил серьёзно и упрямо. — После такого долгого пути вино вредно. Потому и не разрешаю тебе пить.

Цзи Хуайчжэнь неопределённо хмыкнул. Чем больше слов, тем выше риск выдать себя. Он ещё не понимал, кто этот юноша, но догадывался: если между ним и Лу Шии что-то и было, то со стороны парня это чистой воды безответная страсть. Иначе зачем бы ему представляться?

От этой мысли Цзи Хуайчжэню стало немного спокойнее.

Он наполнил тарелку Яньчи разными яствами и с притворным сочувствием произнёс: — Тогда поешь со мной. Слышал я, что вам, дабы не доставлять гостям неудобств, перед приёмом есть запрещают. Должно быть, проголодался?

Яньчи, очевидно, представил нечто непристойное, отчего покраснел ещё гуще. Он ничего не ответил, лишь принялся жадно поглощать рис. Не прошло и мгновения, как миска опустела. Было ясно, что он истощён от голода. Цзи Хуайчжэнь велел положить ему ещё.

Лишь после трёх мисок риса Яньчи почувствовал себя сытым.

«Обжора» — насмешливо подумал про себя Великий наставник.

Видя, что с Яньчи ничего не случилось, он и сам принялся за еду. За долгие годы мужчина привык никогда не прикасаться к пище первым: либо ждал, пока попробуют другие, либо сам проверял на яд.

Цзи Хуайчжэнь продолжал расспросы под маской вежливого интереса: — Бывал в Шанцзине?

Яньчи вздрогнул, и на его лице отразилась печаль. Он взглянул на лицо Цзи Хуайчжэня, словно осознав нечто горькое, но быстро взял себя в руки.

— Да... раньше я жил там какое-то время.

Тот понял причину его внезапного уныния. Должно быть, этот Яньчи когда-то встретил Лу Шии, получил от него какую-то милость и с тех пор питал безумные надежды. А теперь, видя, что «возлюбленный» его не узнаёт, конечно же, расстроился. Цзи Хуайчжэнь лишь холодно усмехнулся про себя: даже если бы здесь сидел настоящий Лу Шии, он вряд ли вспомнил бы этого дурачка. Нашёл в кого влюбляться — Лу Шии никогда не был хорошим человеком.

Когда вино и яства были покончены, гости отбросили последние приличия. Под звуки томной музыки ими овладела похоть. Один из чиновников прямо за столом распустил пояс, являя миру дряблую плоть, и велел юноше опуститься на колени между своих ног.

Яньчи, будучи молодым и горячим, лишь раз взглянул на это зрелище, после чего неловко опустил голову, пытаясь скрыть смущение.

— Я заберу тебя отсюда, — внезапно прошептал он.

— Что?

Его слова звучали столь нелепо и внезапно, что Цзи Хуайчжэню стало смешно. И смешно, и жалко. Какое бахвальство, какая пустая трата слов.

Яньчи снова замолчал. Спустя долгое время он, тяжело дыша, произнёс: — Я... я хочу следовать за тобой.

Великому наставнику стоило огромных усилий, чтобы не фыркнуть в ответ.

— Я не плохой человек, верь мне! — Яньчи непроизвольно потянулся к его руке, но Цзи Хуайчжэнь ловко уклонился.

«Не плохой человек, говоришь? — сердито подумал он. — Просто дурак! Даже людей в лицо не узнаёшь!»

— Говоришь, хочешь следовать за мной? А знаешь ли ты, кто я?

— Знаю!

Цзи Хуайчжэнь насмешливо улыбнулся.

— Ты... ты Лу Ши.

При упоминании этого имени юноша преобразился. Казалось, оно обладало для него большей притягательностью, чем живой человек перед ним.

— Я ведь даже не знаю, кто ты такой. Неужели одного имени достаточно, чтобы ты решил связать свою жизнь со мной?

Яньчи, покрасневшись от волнения, решительно кивнул.

— Тогда отвечу тебе вопросом: что ты знаешь о Цзи Хуайчжэне, о котором только что судачили за столом?

Яньчи на мгновение растерялся. Он не привык сплетничать за спиной, да и про этого Цзи знал немного — лишь то, что он заклятый враг Лу Ши. Из обрывков разговоров он понял, что человек этот жесток и опасен. Немного подумав, он спросил: — Он обидел тебя?

Цзи Хуайчжэнь никак не ожидал такого вопроса.

— Да, он помыкает мной каждый день. И что ты можешь с этим поделать? Более того, я, Лу Ши, во всём проигрываю ему, я во всём хуже него. Ты всё ещё хочешь следовать за мной?

Мужчина холодно усмехнулся. Яньчи обиженно взглянул на него. Услышав такой тон, он не осмелся больше раскрыть рта, не понимая, в чём провинился и почему этот человек столь переменчив.

Гости начали потихоньку расходиться, и Цзи Хуайчжэнь, потеряв интерес к беседе, тоже решил уйти, не желая больше иметь дел с Яньчи. Но стоило ему подняться, как тот бросился следом. На этот раз он не промахнулся и крепко сжал руку Цзи Хуайчжэня в своей ладони.

В отчаянии он готов был выложить всё, что таилось в его сердце.

— Я... я знаю, что тебя зовут Лу Ши. Твоя мать назвала тебя так в надежде на времена, когда «на рынках не будет двойных цен, в судах не будет тяжб, в городах не будет воров, в полях — голодных, а на дорогах не будут подбирать обронённое». Этого Цзи Хуайчжэня или как там его я знать не знаю. Каким бы великим он ни был... в моих глазах он не стоит и половины тебя. Ты во всём лучше него! Я... я пойду за тобой.

Ладонь юноши была сухой и жаркой. Такого искреннего тепла Цзи Хуайчжэнь не чувствовал уже очень давно.

«На рынках не будет двойных цен, в судах не будет тяжб, в городах не будет воров, в полях — голодных, а на дорогах не будут подбирать обронённое...»

Цзи Хуайчжэнь мысленно горько усмехнулся.

Воистину, судьба несправедлива. Половину этих иероглифов он бы не смог написать, а значение другой половины едва ли бы понял. А кто-то с самого детства носит имя, в котором заключена такая вера и любовь.

Он посмотрел на Яньчи с фальшивой улыбкой. При такой ладной внешности этот парень — редкостная зануда, а каждое его слово вызывает лишь раздражение.

<http://bllate.org/book/15318/1356194>